

Андрей Апухтин

Ночной стук

Андрей Апухтин

Ночной стук

«Автор»

2026

Апухтин А. А.

Ночной стук / А. А. Апухтин — «Автор», 2026

Лада и кот Барсик снова в деле. Ночью из-под пола старого дома доносятся три глухих удара — кто-то стучит из глубины. Лада, Барсик и бабушка Нина спускаются в подвал и находят каменный тоннель, проложенный строителями Старогорска сто лет назад. Тоннель ведёт через подземный зал с источником к завалу, за которым живёт Степан Варфоломеич — бывший архивариус, пропавший двадцать лет назад. Он нашёл старинный ящик с медным замком, но не смог открыть его. Лада открывает замок медным значком из первой книги — внутри серебряный значок с восьмиконечной звездой и карта подземных ходов. Карта ведёт к хранилищу под рекой — подземной библиотеке, где книги, медные пластины и печати сохранены светящейся водой. Строители города спрятали память Старогорска под землёй триста лет назад. Добрый детектив для детей 6–9 лет.

© Апухтин А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ночной гость	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Андрей Апухтин

Ночной стук

Ночной гость

Лада проснулась от стука.

Не от будильника — будильник на тумбочке показывал два часа ночи, и его стрелки светились зелёным, как кошачьи глаза в темноте. Не от соседей — соседи спали, и за стеной было тихо, как в пустом классе после уроков. Стук шёл снизу. Из-под пола. Три удара — глухих, тяжёлых, будто кто-то бил кулаком по камню. Три — и тишина. Потом ещё три. И ещё. Ровно, размеренно, без пауз и без спешки, как будто стучавший знал, что его услышат, и не торопился.

Лада села в кровати и прижала одеяло к подбородку. Сердце стучало — быстро, мелко, как птичье. В комнате было темно — синяя-синяя темнота, какая бывает только ночью, когда фонари на улице не горят, а луна спряталась за облаками. Окно было приоткрыто, и из него тянуло холодом — осенним, свежим, с запахом листьев и мокрого асфальта. Барсик спал на краю кровати, свернувшись клубком, но теперь он тоже проснулся — Лада видела, как его уши повернулись, как антенны, ловя звук. Он не шевелился, но глаза его были открыты — два зелёных огонька в темноте, ярких и внимательных.

«Барсик, — прошептала Лада, — ты слышишь?» Барсик не ответил — он не умел говорить. Но он встал, потянулся и прыгнул на пол — бесшумно, как все коты. Подошёл к двери комнаты и сел, глядя на Ладу через плечо. «Пойдём?» — говорил его взгляд. «Пойдём смотреть, кто стучит». Лада колебалась. Два часа ночи. Мама и папа спали в соседней комнате — тихо, ровно, без единого звука. В доме было так тихо, что она слышала, как тикают часы на кухне. Но стук — стук был. И он шёл из-под дома.

Лада встала. Босые ноги коснулись холодного пола, и она поёжилась — не от холода, а от предчувствия. Она надела тапочки, накинула поверх пижамы свой синий свитер — тот самый, с дыркой на левом локте, который она не зашивала, потому что считала, что дырка придаёт

характер, — и взяла с тумбочки фонарик. Маленький, синий, с ЛЭД-лампой — папа дал ей на новоселье и сказал: «Для исследований». Лада тогда засмеялась, а сейчас фонарик пригодился.

Они с Барсиком вышли в коридор. Тёмный, узкий, со старыми обоями в полоску — коричнево-жёлтыми, как осенние листья. Лада включила фонарик — белый луч упал на стену, и тени запрыгали, как испуганные кошки. Барсик шёл впереди — тихо, крадучись, прижимая уши, как разведчик. Его хвост стоял трубой, и кончик его подрагивал — так он всегда делал, когда что-то чуял.

Они прошли мимо спальни родителей — тихо, на цыпочках. За дверью — ровное, мирное дыхание. Мама спала. Папа спал. Никто не слышал стука. Только Лада и Барсик. Они спустились по лестнице — Лада считала ступеньки: одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Первый этаж. Лада посветила фонариком — пусто. Дверь подвала, тяжёлая, железная, с вывеской «Подвал», была закрыта. Лада потрогала ручку — холодная, как лёд. Заперто. Но стук шёл откуда-то снизу — из-под пола, из-под фундамента, из глубины, куда не доходил ни свет, ни звук днём. Только ночью, когда всё замолкало, — тогда было слышно.

Три удара. Тишина. Три удара. Тишина. Лада присела и приложила ухо к полу. Каменный, холодный, с трещиной посередине — и через него, из глубины, словно из самого сердца дома, шли три глухих удара.

Лада сидела на полу и слушала. Три удара. Пауза — длинная, как вдох перед словами. Три удара. Пауза. Три удара. Ритм не менялся — ни быстрее, ни медленнее, ни громче, ни тише. Будто кто-то подавал сигнал. Или просил о помощи. Или просто стучал, потому что больше ничего не мог делать.

«Кто там?» — прошептала Лада в пол, и голос её показался ей тонким и тихим, как мышьяный писк. Никто не ответил. Только три удара — и тишина. Барсик подошёл к двери подвала и понюхал щель внизу — долго, тщательно, как читатель читает мелкий шрифт. Потом сел, обернулся к Ладе и муркнул — тихо, но настойчиво. «Здесь», — говорил его взгляд. «Запах...». Лада не поняла — что за запах, но поняла Барсика: что-то было за этой дверью. Что-то живое.

Она попробовала ручку ещё раз — заперто. Ключ пропал ещё в первой истории — Лада нашла его у Трезора, соседского пса, который утащил ключ, приняв за игрушку. Но дверь была заперта на другой замок — внутренний, который мама закрывала каждый вечер перед сном. Ключ от внутреннего замка висел на гвозде у двери кухни — Лада знала, потому что видела,

как мама повесила его туда. Но взять ключ и открыть подвал в два часа ночи — это было серьёзно. Это было нарушение. Это было приключение.

Лада посмотрела на Барсика. Барсик посмотрел на неё. Между ними прошла искра — как между двумя сообщниками, которые понимают друг друга без слов. Лада встала, отряхнула колени и пошла на кухню. Ключ висел на гвозде — маленький, латунный, тёплый от кухонного тепла. Лада сняла его, зажала в кулаке и вернулась к двери подвала. Сердце стучало — быстро, громко, как три удара из-под пола.

Лада вставила ключ в замок. Руки дрожали — мелко, как у кошки, которая хочет поймать муху, но боится упустить. Ключ вошёл легко — замок был новый, масляный, и повернулся без скрипа, без сопротивления, будто ждал. Дверь поддалась — тяжело, неохотно, как будто приоткрывала рот, чтобы сказать что-то важное и не решалась. За ней — темнота. Густая, плотная, как вата, темнота, в которую луч фонарика входил, как иголка в ткань, — и тонул, не доставая до стен.

Запах ударил в нос — сырой, холодный, затхлый, как в погребе, где хранят яблоки на зиму. Но не только. Был ещё один запах — слабый, далёкий, незнакомый. Не мышиный, не крысиный, не плесень. Живой. Тёплый. Как будто кто-то дышал там, в глубине, — медленно, ровно, как спящий человек. Лада почувствовала, как по спине пробежал холодок — не страх, а предчувствие. Что-то ждало её внизу.

Барсик первым шагнул за порог — бесстрашно, как всегда. Он не боялся темноты, не боялся сырости, не боялся неизвестности. Коты вообще не боятся того, чего боятся люди, — они боятся пылесоса и огурца, но не темноты. Лада шагнула за ним. Ступеньки — каменные, скользкие, стёртые посередине от тысяч ног, прошедших здесь за сто лет. Лада считала: одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Восемь ступенек вниз — и она стояла в подвале.

Подвал был пуст. Точнее — почти пуст. Вдоль стен — старые трубы, покрытые ржавчиной и паутиной. Пустые полки, на которых когда-то стояли банки с вареньем, а теперь — только пыль и засохшие паутины. Лампочка под потолком — тусклая, пыльная, в проволочной клетке, как в тюрьме. Но стук шёл не отсюда. Он шёл глубже — из-за стены. Из-за каменной стены в конце подвала, где не было ни двери, ни окна, ни люка. Просто стена. Старая, каменная, с трещинами, как морщины на лице старого человека. И из-за неё — три удара.

Лада подошла к стене в конце подвала и приложила ладонь — камень был холодный, мокрый, шершавый, как наждак. Три удара — и она почувствовала их рукой: вибрацию, мелкую, как землетрясение, от которого звенит посуда, но не падают стены. «Кто-то стучит из-за стены, — прошептала Лада, и голос её дрожал, но не от страха, а от волнения. — Барсик, кто-то живёт за этой стеной». Барсик подошёл, понюхал камень — долго, тщательно, как будто читал запах, как книгу. Потом чихнул — резко, громко, и звук отскочил от стен, как мячик. В подвале эхо было такое, будто они стояли внутри барабана. Лада постучала в стену — три раза, тихо, костяшками пальцев. Прислушалась. Тишина. Секунда, две, три. Потом — три удара в ответ. Тихие, глухие, но отчётливые. Кто бы ни был там, он услышал её. Он ответил. Лада почувствовала, как сердце подпрыгнуло — как рыба, которая хватается наживку. «Ты меня слышишь!» — крикнула она, и голос отскочил от стен и потолка, и эхо разбежалось, как круги по воде. Тишина. Долгая, тягучая, как пауза перед рассветом. Потом — снова три удара. И ещё. И ещё. Ритмично, настойчиво, как будто кто-то говорил: «Да, я здесь. Я слышу. Я жду». Лада отступила на шаг и посмотрела на стену — целиком, от пола до потолка. Каменная, старая, с трещинами и мхом. Ни двери, ни люка, ни прохода. Просто стена. Но за ней — кто-то стучал. Кто-то ждал. Кто-то хотел, чтобы его нашли. Лада достала из кармана свой «Блокнот сыщика» — она носила его везде, как рыцарь носит меч, — открыла на чистой странице и записала: «Дело 2. Ночной стук. Три удара из-за стены подвала. Начало: 2 часа ночи. Ответил на мой стук — три удара. Кто-то живой за стеной. Двери нет. Нужно искать проход. Первый свидетель — Барсик». Барсик муркнул — согласился. Расследование началось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.